

Шуклина С.А.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЗЕМСТВ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1900-1910 ГГ.

...Много дарований было дано русским людям начала века. То была эпоха исключительно талантливая, блестящая. Было много надежд, которые сбылись...

Н.Бердяев. “Русская идея”

Предметом нашего исследования является роль земства в культурной жизни Таврической губернии начала XX века и, главным образом, – его роль в развитии системы образования, потому что сами земцы видели одну из главных целей деятельности органов местного самоуправления в развитии именно этой области культуры.

Спустя 40-50 лет после начала реформ в империи отношения между личностью и государством складывались на фоне экономического подъема, расцвета культуры и ужесточения условий политической жизни одновременно. Направление действия энергии каждого из этих процессов зависело от фактора времени и наводило на поиски ответа на вопросы:

* рано или поздно даны были русским самодержавием “свободы” своим подданным?

* возможно ли позволить инициировать процессы в экономике и не позволить – в политике?

* каким был идеал личной свободы у русского крестьянина?

Возможно допустить, что фактор времени действует в иной системе измерения для каждой группы или слоя общества: когда было “поздно” для капитализации и форсированного развития экономики, было “рано” для отказа от общинного землепользования и было “вовремя”, чтобы самоутвердиться в искусстве и литературе.

Если говорить о месте и роли дозволенных общественных организаций, то совершенно справедливым кажется утверждение философа А. Вебера, когда он называет русское земство “...самым блестящим и благородным движением в русской политической истории...” и добавляет, что оно “...разрушило миф, что русские неспособны к самоуправлению”¹.

Для нас это добавление выглядит очень важным как признание значимости деятельности земства именно в смысле результативности. Упомянутый миф существовал и оправдывал самодержавную форму правления, хотя это было лишь одно из оправданий.

Когда же реформа набрала темп, именно привлекательность содержания и формы работы земских органов стали причиной приближения к ним бюрократической системы и их сращивания, причем инициатива в этом процессе исходила сверху и объективно была признанием успеха земства.

Конечно, земское движение не имело шансов разрешить многие проблемы и разрядить напряжение в русском обществе, но его созидательная деятельность на поприще организации медицинского обслуживания и системы образования, пропаганда передового опыта ведения сельского хозяйства, широкая благотворительность и воспитание патриотических чувств населения - это был вклад земства в формировании понятий “качество жизни” и “культура нации”.

Если говорить об истории формирования общественных институтов в Российской империи, то исторический опыт убеждает, что культура нации - основополагающая, она более жизнестойкая субстанция, более доходящая до каждого и глубокая, чем политика этого государства, следующая за ней.

Политическое реформирование моментально и избирательно, когда речь идет о количестве населения, участвующего в проведении реформ. Русская власть предлагала

земскую реформу и действовала избирательно, понимая, что течение ее будет зависеть от меры участия дворянства, а не крестьянства.

Еще А. Герцен, говоря о развитии революционных идей в России, отчет начинал с реформ Петра I: "...Народ был обойден реформой и остался более одиноким, чем когда-либо. Если он не погиб, то лишь благодаря своим природным свойствам и общине: во всяком случае, он ничего не выиграл, к нему не проникла ни одна политическая идея. Отныне надолго все умственное и политическое движение сосредоточивается в дворянстве".ⁱⁱ

Спустя полстолетия земская реформа подтвердила объективно связь дворянства и крестьянства; предполагалась качественно новая возможность в русском обществе: землевладельцев и землепользователей связывал еще и фактор пространства - для империи чрезвычайно важный.

Смысл земской реформы, которая и проведена была правительством Александра II при содействии дворянства, предполагал обязанность дворянства сотрудничать с крестьянством; социальные роли распределились таким образом, что дворянство должно было являть собой образец хозяйствования и уметь разделить беды всего общества; крестьянство же после потрясений 1905 г. и дальше - в ходе реформ П.А. Столыпина должно было остаться верным самодержавию и представлять собой его незыблемый оплот посреди всеобщего брожения.

"...На крестьянское население, которое, однако, составляет громаднейшую часть населения, установился взгляд, что они полу-дети, которых следует опекать, но только в смысле их поведения и развития, но не желудка..." - эти слова С.Ю. Витте, крупного государственного деятеля, точно отразили уродливое положение в государстве, когда экономические преобразования позволялись совсем не в тех пропорциях с общим ходом политической жизни, чтобы разрядить обстановку, а не "революционировать" общество. Отсюда и объективная установка в деятельности земства, ориентир на "близкие цели" и решение "малых задач".

Некоторые данные касательно обстановки второй половины XIX века, т.е. времени проводимых реформ в империи, помогут нам воссоздать репутацию населения Таврической губернии в части образовательного ценза и национального состава - взаимодействие этих составляющих активно влияло на культурную жизнь губернии.

По данным переписи 1897 года, в Российской империи городское население увеличилось за период с 1863 по 1897 год на 97 %, а в Таврической губернии - на 190 %; особенно заметно возросло население Керчь-Еникальского и Севастопольского градоначальств как промышленно развитых районов, причем плотность населения в Керчь-Еникальском градоначальстве была 303 человека на 1 квадратную версту, в Севастопольском - 215, в Ялтинском уезде - 50, в Симферопольском уезде - 34 человека на квадратную версту.ⁱⁱⁱ

В тот же период времени в Керчь-Еникальском градоначальстве по родному языку великороссов было 55 %, малороссов - 16 %, евреев - 10 %, а татар - 5,6 % на 55 тысяч населения.^{iv}

Губернский город Симферополь по родному языку населения был наполовину русский. Татары составляли 19,7 %, евреи - 16 %, всего же было представлено 27 народностей. В силу своего статуса Симферополь не может считаться типичным городом и по сословному признаку: здесь проживало две тысячи душ потомственных дворян, т.е. почти 4 % населения, почти столько же дворян личных и чиновников не из дворян, что важно знать для учета количества грамотных людей. Первое место по проценту грамотности среди мужского населения занимали греки, второе - малороссы,

третье - великороссы; замечательно, что среди караимов - мужчин грамотных было 75 % - самый высокий показатель в губернии.^v

Пестрый этнический состав населения Таврической губернии определяющим образом влиял на формирование системы образования и, прежде всего, образования начального, которым были охвачены все слои населения. При этом надо заметить, что из детей русского населения обучались 65 % детей школьного возраста, а из детей инородцев - 94 %.^{vi}

На 1 января 1900 г. из почти ста тысяч посещавших народные училища детей православного исповедания было 65 %; католиков и протестантов соответственно 2 % и 7 %, а меннонитов, евреев, караимов и татар – 26 %. Кроме того, были училища, непосредственно подведомственные Министерству народного просвещения, работала еще и обширная сеть татарских и караимских школ, училищ при церквях иностранных вероисповеданий (армяно-католические и армяно-григорианские), училищ бывшего колониального ведомства (немецкие колонисты), а также школы грамоты^{vii}.

В особом положении находились крымские татары, у которых, по утверждению авторов “Сборника документов и статей по вопросу об образовании инородцев” (Спб., 1869 г.), в 20-х годах XIX века не было на их родном языке ни азбуки, ни грамматики, ни книги для чтения, но по ревизии 1843 года “...обнаружились начатки работы...”, а к 1848 г. были составлены букварь, грамматика и книга для чтения.

Обстоятельства благоприятствовали в получении образования детям мусульман: в конце XIX в. повсеместно в Таврической губернии в татарских сельских и городских училищах обучение было бесплатным.^{viii}

Преподавание в начальных школах производилось на русском языке, но в училищах, посещаемых детьми инородцев, разрешалось употребление местных наречий, но не более 1-го года обучения.^{ix}

Объем преподавания предметов определялся программами Министерства Народного Просвещения: нормальный курс начального народного училища продолжался 3 года, но в особых случаях он мог быть увеличен на 1 год или уменьшен на 1-2 года.^x

Знания разного уровня жители Таврической губернии могли получить в церковно-приходских, земских училищах, школах Министерства Народного Просвещения, в профессиональных и национальных школах: еврейских, караимских, татарских, немецких; существовала сеть частных школ.

Местные органы самоуправления играли активную роль в улучшении дела народного образования, и особое место заняли земские лидеры в решении проблем финансирования, в особенности начальных школ как самых необходимых.

В архивных материалах начала века мы находим множество подтверждений активного участия земства в решении местных проблем, в особенности – медицинской помощи и народного образования. Существовала традиция обнародовать отчеты деятельности земских управ, которые сегодня могут дать нам обильный фактический материал.

Земства со времени их возникновения участвовали в финансировании не только земских сельских, но и городских и сельских школ Министерства Народного Просвещения, училищ для детей инородных нехристиан, брали на себя расходы по проведению различных выставок, поддерживали развитие профессионального образования и выделяли стипендии для получения высшего образования и повышения квалификации “учащих” (учителей), а также организовывали праздники и экскурсии.

Если говорить о положении дел в народном образовании в Таврической губернии в 1899 г., то “воспособление” губернского земства на нужды учебных заведений и учреждений составило 371 тыс. рублей, а от Государственного казначейства поступило

136,5 тыс. руб., при этом широко практиковалось освобождение от взноса за обучение и предоставление стипендий. Необходимо отметить, что наряду с земствами в расходах на содержание народных училищ участвовали сельские и городские общества, а также доброты-дарители.

Начав реформы, медлительное государство уже не было единственной причиной и инициатором распространения образования. Общество получило возможность самоорганизоваться, и тут уместно обратить внимание на сотрудничество земства с «учащими», чтобы убедиться, что между ними наладилась работа со взаимным интересом, а их цели совпадали с государственным взглядом на начальные школы, которые «имеют целью доставление детям начального умственного и религиозно-нравственного образования».

Земству предстояло много сделать для повышения профессионального уровня учителей, потому что в ведомости по образованию учителей в училищах, непосредственно подведомственных Министерству Народного Просвещения, отмечено, что на 1899 год в Таврической губернии учителей с высшим образованием было 15, со специальным педагогическим – 288, не имеющих прав на преподавательскую деятельность – 260.

В отчете инспектора народных училищ по Севастопольско-Евпаторийскому району (на 1 января 1912 года) содержится комментарий по поводу уровня подготовки 29 учителей и 17 учительниц земских училищ: инспектор отмечает, что уровень подготовки учительниц гораздо выше, т.к. 71 % из их числа имеют среднее образование с педагогической подготовкой. Известно, что величина жалования учителя зависела не только от образования и выслуги лет, но и от доплат земства.

По данным на 1899 год, трехлетняя прибавка за безупречную службу повсеместно составила 50 рублей, а перекопское земство прибавляло через каждые 5 лет четвертую часть годового оклада, который составлял 400 рублей, феодосийское земство взялось прибавлять по 75 рублей за четырехлетие, бердянское земство выдавало одновременно «наградные» по 25 рублей. Мера участия феодосийского уездного земства в судьбах учителей можно представить по тому, что на 1907 год оклад учащихся со специальным образованием составил 450 рублей в год, прибавки за выслугу лет в размере 10 % первоначального оклада через каждые 3 года первые 9 лет, через каждые 5 лет следующие 10 лет, при этом решено было увеличить для учащихся земских школ «квартирные», и вносить от земства суммы в Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим, а так же на содержание учительской дачи в Евпатории. В 1911 году феодосийское земство «возбудило» вопрос об устройстве общеземского санатория для учащихся.^{xi}

Оклад жалования учителей в сельских школах достигал 800 рублей, а в Ялте – 900 рублей в год; в Симферополе оклад учительниц возрос с 360 до 462 рублей (плюс 120 руб «квартирных»), и с 1910 года все учительницы были включены в число участников пенсионной кассы.^{xii}

С 1910 года во вновь учрежденную пенсионную кассу учащие платили 6 %, а земство за них еще 6 %; по ходатайству учителей из неземских школ они тоже могли участвовать в пенсионной кассе, причем земство платило за них половину взноса.^{xiii}

Ежегодно земства выделяли средства на командирование учащихся на курсы повышения квалификации по русскому языку, математике, ручному труду, сельскому хозяйству, пению, пчеловодству, садоводству, гимнастике не только в Симферополь, но и в Москву. Ассигнуя одну тыс. рублей на командировку 10 земских учителей, евпаторийская уездная земская управа выделяет 600 руб. для поездки на курсы учителей неземских школ.^{xiv}

На средства уездных земств в 1899 году было открыто 36 училищ и школ грамоты; справедливости ради надо отметить активную деятельность национальных обществ, которые без помощи казны и земств решали свои проблемы: немецкие сельские общества открыли 8 новых училищ и школ грамоты и построили 7 новых школьных зданий; русские сельские общества построили 33 новых школьных здания; в Феодосии еврейское общество открыло “талмуд – тору”, а караимское – женское училище и при нем вечерний класс для взрослых караимок и русский класс при караимском мужском училище.

То, что мы называем общественной жизнью, конечно, заботило и земства, а в некоторых случаях было целиком их заслугой, причем акции общественных организаций с участием учителей не были корпоративным и замкнутым. Народные чтения, например в Симферополе при Петро-Павловском церковно-приходском училище сопровождались игрою оркестров местных учебных заведений. В поселках Феодосийского, Симферопольского и Ялтинского уездов, Керченского градоначальства Комитет попечительства о народной трезвости под наблюдением и ответственностью народных учителей проводил религиозно-нравственные собеседования и чтения с туманными картинами и волшебным фонарем “...содержания духовного, исторического, литературного, а также по естествоведению и гигиене...”.

В отчете инспектора Бердянского уезда упомянуто как о выдающемся явлении устройство во всех немецких и 30 русских сельских училищах рождественских елок с туманными картинами.^{xv}

В том же 1898 году были устроены 3 детских спектакля, на которых присутствовали дети всех городских начальных училищ.

По-видимому, большим событием для жителей Мелитопольского уезда была сельскохозяйственная выставка 1898 года, у которой приняли участие учителя и дети с экскурсиями. Педагогический отдел представляла Мелитопольская уездная земская управа, он состоял из диаграмм и картограмм по состоянию и последовательному движению школьного дела в уезде, годовых письменных работ по русскому языку, арифметике, чистописанию и “экзаменных” работ по русскому языку и арифметике; а также нескольких коллекций работ по женскому рукоделию и ручному труду; учителя представили составленные ими учебные руководства.

Интересное направление во внеклассной работе возникло в земских начальных училищах: только в Бердянском уезде при 93 народных училищах содержались образцовые сады и огороды, поощрялось занятие пчеловодством и заводились школьные паеки.

С/х выставка в 1911 г., устроенная Евпаторийским уездным земством в числе мероприятий “по содействию экономическому благосостоянию населения”, представляла разделы: животноводство, полеводство, огородничество и виноделие, с/х машины и орудия и предполагала вручение серебряных медалей и денежных премий. Уездное земское собрание обсуждало итоги выставок и отметило, “...что сельское население усвоило их значение и пользу еще не такой мере, как это было желательно, что оно в них принимает участие только своей незначительной частью; объясняется это невысокой степенью культурности деревенского люда...”^{xvi}

Реальное положение дел было таково, что немногие из крестьянских детей, которых было больше всего в земских начальных училищах, могли продолжить учебу даже в гимназиях, не то что в вузах. По сословной принадлежности (примерно третья часть) детей, обучавшихся в учебных заведениях всех типов, включая средние и начальные, мусульманские и еврейские учебные заведения, были дети крестьян; в средних учебных

заведениях, учеба в которых давала возможность поступления в вузы, только каждый пятый ребенок был из семьи крестьян и поселян.^{xvii}

И все же земства делали шаги, которые помогали бы именно крестьянским детям получить хорошее специальное образование. Одна из таких возможностей возникла по инициативе Евпаторийского земского собрания, которое “постановило учредить в память умерших Председателя Совета Министров П.А. Столыпина и Таврического губернатора В.В. Новицкого для крестьянских детей две стипендии их имени в с/х учебных заведениях высшего типа...” Земская управа встретила затруднения в проведении в жизнь означенного постановления, ибо нельзя не признать, что в среде крестьянского населения вряд ли окажутся кандидатами со специальной подготовкой для поступления в с/х учебные заведения высшего типа и, таким образом, проектируемые земством стипендии окажутся недоступными для крестьянских детей... Исходя из вышеприведенных соображений и имея ввиду, что постоянной заботой покойных П.А. Столыпина и В.В. Новицкого было поднять благосостояние крестьянского населения насаждением в среде его сельскохозяйственных знаний, а также принимая во внимание, что означенные администраторы много способствовали к учреждению в Евпаторийском уезде Каратобинского низшего с/х училища, почему и решено было учредить стипендии в этом училище...^{xviii}

Развитию сети учебных заведений, дающих профессиональное образование, объективно способствовал экономический подъем в 1910-х годах: если в 1908 году в Таврической губернии было 143 фабрично-заводских предприятия, то в 1913 году – 220.^{xix}

Вопрос доступности для населения образования всех ступеней решался во всероссийском масштабе, но не всегда успех дела зависел от вклада общества, и далеко не сразу возможно было преодолеть инерцию культурного отставания.

“К началу 1910 годов в ряде уездов центральных земских губерний были созданы, как казалось, все необходимые для всеобщего обучения предпосылки. В нижегородском уезде Нижегородской губернии, где земскими деятелями были приложены огромные усилия для создания школьной сети, классы были на 2/3 пусты. Изучение этого поразившего местных педагогов явления показало, что 58 % детей не могут посещать школу по “экономическим причинам”, т.е. из-за занятости в домашнем хозяйстве, работы по найму, отсутствия у родителей средств для приобретения необходимой детской одежды, школьных принадлежностей...”^{xx}

Накануне первой мировой войны, с началом которой пойдет новый отсчет времени, русское общество подошло к новому рубежу в культурном строительстве – провозглашено было введение всеобщего, а затем и обязательного начального образования. Но тогда же прекратилась просветительная и культурная работа земства, которое на протяжении почти 50-ти лет обогащало историю русского общества традициями и выдающимися именами. В этой работе мы обратились лишь к некоторым страницам истории таврического земского движения, но, чтобы восполнить значительный пробел в его изучении и отдать должное памяти его лидеров, мы обязаны назвать еще многие имена и упомянуть о многих событиях, которые и составляли смысл жизни людей в это удивительное время, которое именовалось и “серебряным веком русской культуры”, и “периодом русского империализма...”

ⁱ Вопросы философии. – 1990. – №8. – С.120.

ⁱⁱ Исторический архив. – 1997. – №1. – С.207.

ⁱⁱⁱ Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1897 г. – С.48.

^{iv} Там же. – С.51.

^v Справочная книга по Симферополю на 1911. – С.27-30; 70-73.

^{vi} Общий очерк состояния народных училищ на 1898-99 г. – С.98.

-
- vii Там же.
- viii Там же, таблица на с.22.
- ix ЦГАРКФ.103., ОП.1., д.81, л.34.
- x ЦГАРК Ф.103., оп.1., д. 81, л. 34.
- xi ЦГАРК Ф.103., оп.1., д. 83, л. 158-188.
- xii Систематический свод постановлений Феодосийского уездного земского собрания с 1867 по 1912 г. Феодосия, 1914.
- xiii Справочная книга по Симферополю на 1913 г.
- xiv Постановления Евпаторийского уездного земского собрания на 1912 год.
- xv Доклады Евпаторийского уездного земского собрания на 1912 г.
- xvi Общий очерк состояния народных училищ на 1898-99 г. – С.116.
- xvii Постановления Евпаторийского уездного земского собрания на 1912 год.– С.262-263.
- xviii Обзор положения народного образования в Таврической губернии на 1914-15 гг.
- xix Постановления Евпаторийского уездного земского собрания на 1912 год.– С.365.
- xx ЦГАРК Ф.100, оп.1., д.2262, л.4,5.